

Глава 10. Кузен

Ли Чжунчэн стоял посреди улицы, раздавленный и опустошенный.

Прохожие то и дело бросали на него любопытные взгляды, от которых он чувствовал себя так, словно его выставили на всеобщее обозрение нагим. Жгучий стыд сковывал движения, а пальцы ног в поношенных, латаных-перелатаных туфлях судорожно поджимались от неловкости.

События последнего часа вновь и вновь прокручивались перед глазами, точно дурной сон. Мо Сюнь ушел, но его слова, брошенные на прощание, до сих пор набатом отдавались в ушах.

«Вся твоя семейка живет на мои деньги, и у тебя еще хватает наглости меня поносить? Редкое зрелище. Давай, скажи мне — кто здесь неблагодарная тварь?»

«Кто здесь вызывает одно лишь отвращение?»

«Кто здесь никчемный паразит, умеющий только тянуть жилы из других?»

«Это ты. Ты — пустое место»

Град обвинений оглушил его, оставив в полной растерянности. Чжунчэн знал, что на вечно больных родителей надежды мало, и ноги сами понесли его к дому дяди. Он надеялся, что родная кровь заступится за него, даст опору.

Но он и в страшном сне не мог представить, что вместо сочувствия и ласки его встретит нечто иное. Едва он, захлебываясь слезами, закончил свой жалобный рассказ, как глаза юноши недобро блеснули.

Приблизившись, тот спросил:

— Так этот выродок наконец-то убрался?

Тот и раньше недолюбливал Мо Сюня, не упуская случая очернить его. Он годами вбивал Ли Чжунчэну в голову, что Мо Сюнь — лишь подкидыш, занявший чужое место, и что он по гроб жизни обязан их семье. Привыкший к этому Чжунчэн лишь шмыгнул носом и кивнул:

— Да... да, ушел. Никакой совести у него нет.

— И не вернется?

Чжунчэн, не чуя подвоха, продолжал кивать:

— Вот уже три дня, как его нет. Думаю, он больше не покажется... Что же нам теперь делать?

— Он снова начал озлобленно причитать: — Совсем совести нет у человека! Братец, теперь у меня только вы и остались, вы ведь поможете мне, правда?

Взгляд брата на мгновение метнулся к отцу и матери, а когда он снова повернулся к Чжунчэну, тон его стал доверительным:

— А та Изящная трава, которую он нашел? Ее он тоже прихватил с собой?

— Нет, — с негодованием отозвался Ли Чжунчэн. — Хоть на это у него ума хватило.

Молодой человек переглянулся с родителями. Когда же он снова посмотрел на Чжунчэна, от бывшего расположения не осталось и следа. Его брови хищно взметнулись, обнажая истинную натуру, а голос стал холодным и резким:

— Чжунчэн, мы бы и рады тебе помочь, но...

— Но что? — растерялся тот.

Собеседник откинулся на спинку стула, мерно постукивая пальцами по столу.

— Все эти годы ты учился вместе со мной, и расходы на это были немалыми. Когда ты собираешься вернуть долг?

Ли Чжунчэн окончательно перестал что-либо понимать.

— Но разве за учебу платила не наша семья?

Он лишь презрительно усмехнулся:

— Если бы мой отец не уладил дела в академии, разве тебя бы туда вообще допустили?

Его отец служил охранником при учебном заведении — должность скромная, жалованье посредственное, однако выхлопотать место для племянника труда не составляло. В таком маленьком городке семей, способных оплатить обучение, было раз-два и обчелся, и академия была только рада лишнему ученику. Никаких «связей» там не требовалось.

К сожалению, Ли Чжунчэн об этом не знал. Его лицо стремительно бледнело.

— Но...

— Хочешь уклониться от долга? — Юноша не дал ему вставить и слова, нетерпеливо перебив:
— Ты хорошенько подумай. Мо Сюнь ушел. Если ты хочешь и дальше учиться, хочешь жить по-человечески, тебе остается рассчитывать только на нас. Или ты собираешься, подобно этому выродку, гнуть спину на поденных работах?

Эти слова ударили по самому больному. Ли Чжунчэн видел, каким тяжким трудом Мо Сюнь добывал каждую монету, и меньше всего на свете желал себе такой доли. За всю жизнь он не знал истинной нужды, что и сделало его столь беспечным и далеким от житейских тягот.

— И... и что же вы хотите? — пролепетал он. — У меня дома нет денег, отцу и матери нужно лекарство.

И вот ловушка захлопнулась. Кузен наконец перешел к делу:

— У тебя ведь осталась Изящная трава, которую бросил Мо Сюнь? Отдай ее нам, и будем считать, что долг выплачен.

Ли Чжунчэн наконец осознал, к чему клонился этот разговор. Все его тело задрожало, а губы онемели от ужаса.

— Но это... это наши последние деньги.

Кузен отчеканил:

— Ты учиться хочешь или нет?

Чжунчэн замолчал, точно воды в рот набрал.

— Пойми, эта трава стоит от силы сотню серебряных. Проешь ее — и ничего не останется. Без нашей поддержки тебе даже в академии не удержаться, — тот перешел к открытым угрозам. — Или ты хочешь до конца своих дней гнить в этой дыре, не зная иного пути?

В голове Ли Чжунчэна всё смешалось, и он, сам того не осознавая, послушно протянул драгоценный стебель.

Лишь оказавшись за порогом, когда в лицо ударил холодный осенний ветер, он очнулся. До него наконец дошло, что он только что лишился единственной опоры, единственного шанса на спасение. Но разве можно вернуть то, что уже отдано?

Мо Сюнь мог бы забрать свое — в нем была хоть какая-то сила, делавшая его опаснее трех обычных смертных. Но что было у Ли Чжунчэна? Ничего.

Он колотил в закрытые ворота, сорвал голос, выкрикивая их имена, но за стенами царило гробовое молчание, словно там все вымерли.

Ли Чжунчэн медленно сполз по стене и съежился на земле под порывами холодного ветра. Он вспомнил, как брат бесчисленное множество раз предупреждал его, что семья дяди — люди корыстные и ненасытные. Тогда он не слушал, спорил, обвинял брата в мелочности.

Ну подумаешь, сказали о нем пару дурных слов! Неужели стоит так злиться на кузена? Ведь это — родная кровь, в отличие от Мо Сюня, в чьих жилах течет чужая вода.

Лишь теперь он прозрел. Те, кого он считал близкими, оказались хищниками, что жадно выжидали момента, чтобы вцепиться в его достояние. Он пришел к ним за защитой, а на деле лишь сунул голову в пасть волкам, молчаливо сообщив: «Тот, кто меня защищал, ушел. Можете делать со мной что хотите».

Он не сумел отличить врага от друга, правду от лжи, и теперь остался ни с чем. Если дядя и его семейка окончательно отвернутся от него, как он будет жить? Что ждет его завтра?

В этот миг Ли Чжунчэн ощутил беспросветную, сосущую пустоту внутри.

Он, пошатываясь, вернулся домой, не смея никому признаться в случившемся.

Прошло три дня. Лекарство в доме закончилось.

Ли Чжунчэн кипятил одни и те же остатки трав уже шестой раз подряд. Запах настоя стал совсем слабым, почти неощутимым. Когда отец велел принести новую порцию, Чжунчэн, чье лицо было покрыто копотью от печи, с трудом выдавил:

— Отец, это свежий отвар. Видимо, я просто перелил воды. Выпейте побольше, должно помочь.

С этими словами он снова вывалил вываренные остатки в котел. Отец, не заподозрив неладного, осушил чашу, но в этот раз «лекарство» больше напоминало обычную воду.

Шли дни, и Ли-старший слабел на глазах. Ли Чжунчэн не смел поднять на него взор, прячась за бесконечным завариванием пустой травы — он пытался обмануть самого себя. Но если с лекарством еще можно было хитрить, то с голодом — нет.

Рис подошел к концу.

Делать было нечего, и Ли Чжунчэн отправился в лавку. Однако он и не подозревал, что за эти несколько дней в их жалкий дворик пожалует уже третий гость.

Едва переступив порог, Чжунчэн увидел у ворот человека.

Это был юноша, почти его ровесник, который, казалось, очень страдал от холода. Из-под черного плаща виднелись руки, сжимавшие грелку. В небе начинал накрапывать мелкий дождь, и верный слуга держал над господином зонт. Во всем облике незнакомца чувствовалось благородство, чуждое этому убогому месту.

— Кто вы? — спросил Ли Чжунчэн.

Мо Чжиянь внимательно осмотрел его и выдавил свою самую мягкую, располагающую улыбку:

— Ты и есть Чжунчэн? Я... твой брат.

«Мо Шестнадцать в итоге попал в руки к Фусуну, — лихорадочно размышлял Мо Чжиянь. — Неизвестно, сколько старейшине уже удалось выведать, но нужно подготовиться заранее. Лучший способ — забрать Ли Чжунчэна с собой, чтобы тот на месте подтвердил мои слова и указал на Мо Сюня. Только так можно будет...»

Его расчеты были грубо прерваны. Он вдруг заметил, как взгляд юноши перед ним наполнился жгучей ненавистью. Чжунчэн смотрел на него так, будто перед ним была ядовитая змея.

В душе Мо Чжияня шевельнулось дурное предчувствие, но он продолжал улыбаться и говорить тихим, вкрадчивым голосом:

— Что случилось? Злишься, что брат пришел так поздно? Брат...

Хлесткий удар!

Мо Чжиянь застыл, ошеломленный. Слова застряли в горле, прерванные жгучей болью в щеке.

Ли Чжунчэн влепил ему звонкую пощечину и с яростью выплюнул:

— Тварь!

<http://bllate.org/book/15862/1433680>